

* * *

Я недавно узнал,
Что в день моего рождения 9-го мая 1905 года
Фёдор Шаляпин пел на концерте
У госпожи Фирсановой,
содержательницы Сандуновских бань,
С тем, чтобы сбор пошёл
на революционные нужды в пользу большевиков.
Вероятно, в этот день произошло и ещё немало
даже гораздо больших событий,
Данные говорят сами за себя,
как-никак, это был Девятьсот Пятый год,
Но у меня нет ни времени, ни охоты
рыться в архивах,
Пусть, кто хочет, это и разберёт.
Однако, не скрою, мне было очень приятно,
И я полагаю, что любому из нас
Было бы лестно узнать, что в день их рождений
Торжествовали не только их папы и мамы,
Но кто-то ещё замечательно пел,
рисовал незабываемую картину,
Создавал какое-нибудь замечательное виденье,
Или рушил какую-нибудь рутину,
Или что-то незримое
вдруг различил через увеличительное стекло.

* Из семейного архива. Печатается впервые. Публикация Л. В. Суховой.

Словом, будто бы в честь твоего рождения
Что-то особенное произошло,
Именно будто бы в честь
Твоего рождения!

* * *

О медведи и слоны
И младые обезьянки,
Перестаньте видеть сны,
Пленники и полонянки,
Перестаньте привставать
Ласково на задних лапах
И умильно завывать,
Колбасы услышав запах.

Впрочем, вижу и других.
Вижу: пыжатся, гордятся,
И глядящие на них –
Точно в зеркальце глядятся,
Ибо старый зоопарк,
Полный птиц, зверей и гадов, –
Это только зоосад
Человеческих догадок.

Воробьиный ум

Выяснилось,
Что Юпитер
Не планета, а звезда.

Думали,
Что будет тёплым
Весь декабрь, а – холода.
Все прогнозы никуда,
Как и раньше, не годятся!

А перед окном садятся
Воробы на провода.
Им, конечно, дела нету,
Что такие холода,
А Юпитер не планета,
А ближайшая звезда.
Но чего они гордятся?
Что им грезится, поётся?

– Нет, прости, мы знали это,
Ощущали мы всегда,
Что Юпитер не планета,
А ближайшая звезда,
Потому что мы прелестно –
То, что вам и неизвестно,
То, что вам с трудом даётся, –
Постигаем без труда,
Ибо реет поднебесно
И зияющая бездна,
Будь хоть солнечна, хоть звездна, –
Нам привычная среда.
Всё мы чуем – и когда
Наступают холода,
И какое будет лето.
Нам понятны все приметы,
Что при всём своём уме ты,
О читающий газеты,
Не постигнешь никогда
В камне своего гнезда
Электрического цвета!

Баллада о «ефимке», дольском гроше

О доллар, мне известен дол,
Откуда ты произошёл!

Я про твоё происхожденье
Всё без утайки расскажу

И на твоё месторожденье
Волшебным прутом укажу.

В Богемии
У Рудных гор
Ефимов –
Город
Был богатый.
И близ Ефимова
Когда-то
Стоял
В долу
Монетный двор.

В долине
Дольский грош чеканя
Из искристого серебра,
Той деньге «доллара» название
Определили мастера.

Так, доллар, был ты миру дан,
У немцев стал ты зваться «далер»,
А у датчан и шведов – «талер»
И «долларом» – у англичан.

А мы тебя «ефимком» звали
По городу, где родился.
И вот
Ты скрылся в дальней дали,
Казалось бы – и сказка вся.

Но – нет, не вся! За океаном,
Там, на другом боку земли,
Тебе храмину возвели
И богом сделали карманным.

«Вот бог! Превыше не найдёшь!
Лишь в одного его и верьте!»
И предавали лютой смерти
Всех, кто не верит в эту ложь.

И стал круглей всех сытых рож
Ты, кровью мазанный и грязью.
Пора тебе благообразье
Вернуть, «ефимка», дольский грош!

Настанет этот час, настанет!
Ты честь позоришь серебра!
Ужо тебя перечеканят
Там, в Новом Свете, мастера!

Старый Брюгге

Старый Брюгге,
Брюгге, город мёртвый,
Вижу поучительный пример твой,
Ощущаю неподвижный взор твой,
Понимаю, чьей ты сделан жертвой.

Старых книг
Ветшающее царство
В книжных лавках и библиотеках,
Выдыхающиеся лекарства
Продаются в склепиках-аптеках.

И на магазинных
Манекенах
Виснут постаревшие одежды;
Хоть и все из тканей драгоценных,
Но продать их, видно, нет надежды.

И какие
Вина ты ни выставь

На прилавках в разноцветных барах,
И каких ты ни мани туристов, –
Самый старый, видно, ты из старых.

И хотя
Летят автомобили,
Блещут электрические дуги, –
Будто камни в рот тебе набили,
И молчишь ты, старый мёртвый Брюгге.

Но ведь люди
Всё-таки живые,
И в тебе, о старый Брюгге мёртвый,
Где во мгле дождливой мостовые
Отражают каждый светофор твой, –

Кружевниц твоих
Чепцы упруги
И тревожен голос молодёжи.
Докажи им, старый добрый Брюгге,
Что и ты ещё не умер тоже!

Поцелуй

Когда я был четырнадцатилетним
Отчаянным подростком, я нередко
Бродил весной по Загородной роще,
Вооружась топориком.
Я ждал:
Пускай лесничий скроется из виду.
И вот, подкравшись к молодой берёзе,
Я сёк бел-бархат и, припав губами,
Смеялся, пил весенний сладкий сок,
И майские жуки кругом гудели,
И ветреники жёлтые глядели.
Берёза вздрогивала. О берёза,
От этого ты вовсе не умрешь!

Наоборот: появится лесничий,
По мне он выпалит зарядом соли –
Сама пойми: кому больнее будет!
Мне, не тебе!

...Рассказ про поцелуй
Я не могу теперь начать иначе,
И не могу я продолжать иначе,
И не могу закончить я иначе
Рассказа про весенний поцелуй!

* * *

Вдруг
Обнаружен
Факт, что всем ты нужен.
С тобою каждый дружен.

Ветер южен,
Но вдруг он западен, затем
восточен –
Так изменяет направленье ветер.
И вдруг внезапно станешь
незаметен

Ты всем на свете.
Этот вывод
Точен.

